

Он никогда никого не бросал

Вер. куд. - 1995. - 5 авг. - с. 3.

У Зоценко странная судьба. Его любили и ненавидели. Любил народ и ненавидела власть. Был период, когда его широко издавали, и был период, когда вокруг него сомкнулся "заговор молчания". Сегодня никакого заговора нет, о Зоценко пишут, его издают и читают — этого "развеселого гражданина с грустными глазами", "великого пересмешника советского хамства". Вспоминают, чем он не угодил режиму, слова Сталина "не обществу перестраиваться по Зоценко, а ему надо перестраиваться, а не перестроится, пускай убирается к чертям".

Михаил Михайлович не был диссидентом и не был борцом, он честно пытался вписаться в эпоху, но не сумел вовремя подсюсюкнуть великим мира сего (этим мастерством в отличие от других писателей он не владел). В итоге Михаила Зоценко удушили. Удушили не буквально (хотя и это вполне могли), а фигурально. Не печатали. Травили...

Зоценко умер 22 июля 1958 года, не дожив до 63 (или 64 лет). Хоронить писателя на Литературных мостках не разрешили. Похоронили в Сестрорецке.

Но не будем о печальном. Лучше вспомним самого Михаила Михайловича. Хотя он и был человеком, который почти никогда не смеялся, но все написанное им — золотой фонд смеховой культуры.

"Профессий у меня было очень много, — писал Зоценко в своей автобиографии. — Наиболее интересные: 1. Студент Петроградского университета. 2. Комендант почт и телеграфа в Петрограде (при Керенском). 3. Инструктор по кролиководству и куроводству. 4. Агент уголовного розыска. 5. Поставой милиционер. 6. Тормозной кондуктор. 7. Сапожник. 8. Конторщик..."

Может быть, это и смешно, но это было на самом деле. Как и то, что Зоценко храбро сражался в первую мировую войну и удостоен боевых наград. Но этот факт Зоценко не выпячивает, а, наоборот, сознательно дегроизирует свою жизнь и невольно как бы усмехается над ней: "арестован — 6 раз, к смерти приговорен — 1 раз, ранен — 3 раза, самоубий-

ством кончал — 2 раза, били меня — 3 раза. Все это происходило не из авантюризма, а "просто так" — не везло..."

Как выглядел Зоценко? "Когда я узнал, что он родом полтавец, — написал в воспоминаниях Корней Чуковский, — я понял, откуда у него эти круглые, украинские брови, это томное выражение лица, эта спокойная насмешливость, затаенная в темно-карих глазах..."

Словом, он был "приятной наружности", как сказала бы героиня его рассказов. Плюс неотразимая магия популярности. В конце 20-х годов одна ленинградская газета провела анкету, где спрашивала о том, кто в городе самый любимый и известный человек? Оказалось, Зоценко. Женщины пытались ему нравиться, добивались встреч, писали восторженные письма. Одной из пылких признательниц он однажды сказал: "Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зоценко. Но я не Зоценко, я — Бондаревич".

Самое смешное — и опять же в духе рассказов самого Зоценко — по стране бродило немало самозванцев, которые выдавали себя за Зоценко и получали от этого изрядные выгоды, ну и женскую любовь, разумеется...

Ну а сам?.. Сейчас модно писать о музах писателей, поэтов и художников. Наталья Гончарова и Пушкин. Галя и Сальвадор Дали. Полина Виардо и Тургенев... А была ли муза в жизни Зоценко?

Была любовь... была жена... Была ли она музой? Тут ответ несколько затрудни-

телен. Впрочем, расскажем все по порядку.

В один прекрасный день (опять же в банальной стилистике героев Зоценко) будущий писатель увидел очаровательное создание, юную суфражистку сестру милосердия Веру Кербиц-Кербицкую. Любовь вошла в сердце Зоценко, как заноза:

Вот одно из его писем об этой любви, письмо в необычной манере, то ли письмо, то ли исповедь, то ли дневник: "...Был влюблен в солнечный зайчик и в Вас. Снова в Вас. В тот день, когда я думал об этом, мне хотелось уехать сегодня, сегодня же, вот сейчас... И долго целовать Ваши холодные пальцы.. Ушла Вера, ушла любовь, ушел солнечный зайчик со стены. О, Вера!.. Я читал Ваше письмо. Я упивался. Я к самому лицу подносил бледный Ваш конверт и тайне целовал Ваши губы. И я опять любил Вас за то, что этим письмом Вы словно явились невидимая и словно шепнули: "Люблю"... До свидания... Ау! Мих. Зоценко".

Письмо отнюдь не юмориста, не сатирика, а романтика чистой воды.

В июле 1920 года Михаил Зоценко и Вера Кербиц-Кербицкая зарегистрировали официальный брак и стали жить вместе "на Петербургской стороне, на Зеленой, 9, кв. 83". Родился сын. Зоценко служит конторщиком в петроградском порту "Новая Голландия". Вступил в "Серапионово братство" и пишет рассказы.

А вот строки из более позднего письма, из письма Зоценко брату Виталию 25 июля 1920 года: "...Приехала Вера.

Юбиляр августа — Михаил Зоценко. Хотя с его юбилеем не все так просто. В литэнциклопедии указана дата: 10 августа 1895 года, да и сам писатель в своей автобиографии указывал 1895 год. Но вот лет десять назад кто-то откопал метрическую книгу, а там совсем другой год: 1894-й. Поэтому в прошлом году кто-то из газет поспешил отметить 100-летие Зоценко. Но, может, путаница в датах — последняя шутка писателя? В конце концов какая разница — 100, 101 год. Главное: Зоценко, великий сатирик. Его талант вне времени, поверх всех юбилейных дат.

Приехала, яичек привезла, немного маслица, нащбетала, натрещала — и уж так-то хорошо, и уж таково не плохо, и как ее кто-то целовал, и как невестой называл..."

Кажется, романтическая любовь кончилась — начался элементарный быт. И сразу вспоминается рассказ Зоценко "Жених". "На днях женился Егор Басов. Взял он бабу себе здоровую, мордастую, пудов на пять весом. Вообще повезло человеку..." Повезло ли Зоценко?

То ли быт засосал? То ли любовь была не столь глубокой? То ли произошло неизбежное охлаждение после пылкого горения? То ли еще были какие-то причины, но, как заметил Андрей Петров в очерке о Зоценко: "охлаждение, однако, не привело к расхождению: это было выше принципов Михаила Михайловича — он никогда никого не бросал".

"Зоценко был щедр, швырялся деньгами (в лучшую пору), любил женщин, к которым относился по-офицерски легко... — вспоминал Вениамин Каверин. — Эта легкость не помешала ему, однако, нежно заботиться о них после неизменно мягкого, но непреклонного разрыва. Он выдавал их замуж, пировал на свадьбах, одаривал приданым и оставался другом семьи: если муж не был человеком особенно глупым. Женщины были хорошенькие, иногда красивые, но за редким исключением средние, без блеска, ума или чувства. Когда однажды где-то на Юге две стройные, высокие красавицы явились перед ним из пены морского прибоя, он был по-

ражен, восхищен, но слабо махнув рукой, сказал: "Это не для меня".

Почему так? Выскажу свою догадку: он ценил и лелеял свое интеллектуальное одиночество и не хотел никакого чужого вторжения. Легкий флирт, поверхностная любовь — пожалуйста. А вот серьезный, тесный да к тому же духовный контакт — это увольте!.. Может быть, именно поэтому он спокойно "терпел" около себя незатейливую, недалекую Веру Владимировну. Вот характерное признание, которое сделала вдова Зоценко Андрею Петрову:

"Я его часто спрашивала, ну кого ты больше всего любишь на свете. И жду: он скажет: "тебя, тебя, тебя..." А он — со всею серьезностью: "Я больше всего люблю мою литературу"... Он, бывало, лежит, ничего не делает. Я ему: "Ну чего ты лежишь, работал бы". Он: "Я — работаю". — "Ну как же ты работаешь, ведь ты же лежишь, ничего не делаешь..." "Я думаю", — отвечает он".

Даже из этого коротенького отрывка можно представить семейную жизнь Зоценко, как его донимали, "пилили", доставали. Это были разные люди.

Мемуаристы не жалуют жену Зоценко, и она сама порой давала этому повод, так, одному заявила: "Миша загубил мой талант, я ведь такие прекрасные писала сочинения в гимназии..." С зоценковским бисером? С "надменными словами с иностранным, туманным значением"?..

Так что у Михаила Зоценко муза была — и музы не было. Своему приятелю он однажды с грустью признался: "Нет, я плохо устроил свою жизнь. Мне нужна была добрая женщина, которая бы меня жалела".

Не получилось. И остались только "Страдания молодого Вертера" (рассказ Зоценко): "Рисуется замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости..."

Где этот рисунок? В нежных мечтаниях и воспаленных грезах? А так — "лежит, знаете, на полу скучный. И 'кровь кругом". Вы догадались. Это — из рассказа Зоценко.